

Парцелляты и смежные лингвистические явления в сложном синтаксическом целом: коммуникативный аспект

Parcellates and Related Linguistic Phenomena in a Complex Syntactical Whole: Communicative Aspect

DOI: 10.12737/2587-9103-2025-14-4-15-20

Получено: 25 июня 2025 г. / Одобрено: 25 июля 2025 г. / Опубликовано: 26 августа 2025 г.

И.С. Папуша

Д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственного университета просвещения, Россия, 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, e-mail: lastotchka28@gmail.com

I.S. Papusha

Doctor of Philology, the Senior Lecturer, Professor of the Department of Slavistics, General Linguistics and Culture of Communication of State University of Education, bldg. 2, 10A, Radio St., Moscow, 105005, Russia, e-mail: lastotchka28@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается функционирование парцеллятов как уточняющих, поясняющих, развивающих и проч. элементов основного высказывания относительно той или иной инвариантной матрицы внешней формы сложного синтаксического целого. Сопоставляются синтаксические конструкции сложного синтаксического целого и прозаической строфы, парцеллятов и неполных и односоставных предложений разных видов и их использованию в зачине, концовке, медиальной части высшей синтаксической единицы. Особое внимание уделено роли парцеллятов в сложных синтаксических целых поэтического текста.

Ключевые слова: сложное синтаксическое целое, парцеллят, гермы поля языкового напряжения.

Abstract

The article examines the functioning of parcellations as clarifying, explanatory, developing and other elements of the main statement regarding a particular invariant matrix of the external form of a complex syntactic whole. The article compares the syntactic structures of a complex syntactic whole and a prose stanza; parcellations and incomplete and one-member sentences of various types, and their use in the beginning, end, medial part of a higher syntactic unit. Special attention is given to the role of parcellations in complex syntactic wholes of poetic text.

Keywords: complex syntactic whole, parcellat, hermes of the field of linguistic tension.

Введение

Явление парцелляции (от франц. *parcelle* — частица; фр. *parceller* — делить, дробить на части) привлекло наше внимание при описании инвариантных матриц внешней формы сложного синтаксического целого (ССЦ) как «отвлечённых образцов», состоящих «из минимума компонентов, необходимых для создания определённой единицы языка» [11, с. 3] и имеющих заданную структуру. Примыкающее к инвариантной матрице предложение может вносить некий смысловой оттенок в план содержания сложного синтаксического целого, но, как сверхнормативное построение, не может влиять на план его выражения. В то же время парцеллированные конструкции, расчленённые на базовую (структурно господствующую) часть предложения и парцеллят (структурно зависимая часть предложения — отчлениваемая часть), вызывают вопросы и в синтаксическом аспекте, и в стилистическом аспекте, и в коммуникативно-прагматическом аспекте. Полагаем, что рассмотрение их функционирования в границах сложного синтаксического целого и сопоставление их роли со смежными лингвистическими явлениями позволит найти ответы на возникающие вопросы.

Постановка проблемы

О парцелляции в своё время профессор А.М. Пешковский писал так: «Мы находим точку не только между грамматическими предложениями, но и, что важнее всего, между такими формами, которые, не будь между ними точки, непременно читались и сознавались бы как члены одного и того же грамматического предложения. И если мы не хотим попасть в порочный круг, объявить “предложением” то, что отделено точкой, то мы должны будем признать, что дело тут не в границах между предложениями, а в чём-то ином. Это иное есть ритм и интонация того, что отделено точкой. Точка, несомненно, определённым образом читается, и потому-то пишущий и может ставить её везде, где хочет вызвать соответствующее чтение» [8, с. 20–21]. Парцелляция как лингвистическое явление экспрессивного синтаксиса, как стилистический приём, как способ членения текста вызывает большой интерес лингвистов. На сегодняшний день парцелляции посвящено много научных работ в разных аспектах рассмотрения этого феномена.

В фундаментальном исследовании профессора Ю.В. Ванникова «Явление парцелляции в современ-

ном русском языке» [3] ему дано определение («такой способ речевого членения единой синтаксической структуры, т.е. предложения, при котором она воплощается не в одной, а в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, то есть фразах»), описаны парцеллированные конструкции, представлены их некоторые структурные типы, экспрессивные и логико-семантические особенности. Профессор А.Ф. Ефремов определял парцелляцию как приём, который «как бы разламывает предложение на части, превращая их в эквиваленты самостоятельных предложений» [6, с. 78]. Профессор Е.А. Иванчикова парцелляцией называет «приём экспрессивного синтаксиса письменного литературного языка, существо которого состоит в расчленении синтаксически связанного текста на интонационно обособленные отрезки, отделяемые знаком точки» [7, с. 279]. Исследователь Т.Г. Сербина определяет парцелляцию как «экспрессивный приём синтаксиса, сущность которого заключается в преднамеренном максимальном интонационном и позиционном отчленении элементов единой синтаксической структуры с целью актуализации какой-либо части высказывания» [10, с. 4]. Парцелляция, как отмечала профессор А.Ф. Прияткина, «это не обычное строение текста, а специальный стилистический приём, широко использующийся в художественной и публицистической речи в целях придания ей особой выразительности, экспрессии» [9, с. 93]. Доктор филологических наук Ю.В. Богоявленская констатирует: «Учёными отмечается, что парцеллированию более всего подвержены примыкающие, слабоуправляемые и сочиненные элементы: обстоятельства, однородные члены предложения, реже — дополнения и определения. Результатами таких исследований становятся классификации парцеллированных конструкций по типам парцеллятов — членов предложений или частей сложного предложения; классификации, ориентированные на степень их экспрессивности, средств связи парцеллята с основной частью и др.» [1, с. 36].

В соответствии с целью нашего исследования нами импонирует точка зрения на парцелляцию профессора В.Г. Гака, считавшего, что это промежуточная форма между предложением и «сверхфразовым единством» (сложным синтаксическим целым. — *И.П.*), обладающая способностью «преодолеть жесткую схему предложения и привести синтаксическую структуру в соответствие с коммуникативным заданием высказывания» [4, с. 204].

Сложное синтаксическое целое (ССЦ) — языковая единица, которая идентифицируется с учётом неразрывной связи его планов содержания и выражения и их взаимообусловленности. План выражения складывается из внешней формы, внутренней структуры

и из тех отношений, которые возникают как между ними, так и между элементами внутренней структуры, приобретающими позиционные качества в потоке речи. Закономерности внутренних отношений элементов сложного синтаксического целого подчинены системной природе языка и обусловлены замкнутостью его линейной структуры. В свою очередь, замкнутость группы предложений предопределяет формирование той или иной матрицы внешней формы, и она уже формирует поле языкового напряжения (ПЯН) сложного синтаксического целого как элемент его внутренней структуры.

Заметим, что сложное синтаксическое целое функционирует в письменной форме речи и является конституентом и интегрантом текста. В то время как парцелляция, скорее, явление устной формы речи, о чём свидетельствуют термины, использованные в вышеприведённых определениях явления — *ритм, интонация, интонационно-смысловые речевые единицы, интонационно обособленные отрезки, интонационно и позиционное отчленение элементов*. Вероятно, поэтому парцелированные конструкции присущи только художественному и публицистическому текстам, допускающим экспрессию. «Можно сказать, что парцелляция, или расчленение на части структуры предложения, — сугубо речевой способ представления единого синтаксического целого несколькими коммуникативно-самостоятельными единицами» [2, с. 130]. В таком случае парцелляты функционируют в границах ССЦ в соответствии с целеустановкой и интенцией автора, реализуя топографический и психологический уровни хронотопа, но не всегда совпадают с микроидеями, транслирующей смыслы метафизического уровня хронотопа. Кроме того, не всегда соединения предложений в тексте — сложное синтаксическое целое, т.е. если эти соединения не образуют внутреннюю структуру (поле языкового напряжения — ПЯН), они не соответствуют симбиозу плана содержания и плана выражения ССЦ.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (наблюдение, описание, моделирование); общелогические методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия и т.д.); герменевтический метод метатеоретического уровня. Мы, взяв за основу аксиоматический метод исследования, определённые постулаты наших предшественников принимали без доказательств, но предположили (гипотетический метод), что парцелляты, неполные предложения, односоставные предложения определяют вид инвариантной матрицы внешней формы сложного синтаксического целого (план выражения), что, в свою очередь, влияет как на внутреннюю струк-

туру этой высшей синтаксической единицы, так и на продуцирование/восприятие её смыслов (план содержания), детерминируя неразрывность и взаимообусловленность этих планов в её границах.

Инвариантная матрица сочетания простых предложений

Продemonстрируем теоретические положения примерами из произведений русских писателей. Так, в повести Б.Ш. Окуджавы «Будь здоров, школяр!» текст изобилует соединениями простых предложений в целях передать «дискретный мыслительный процесс» героя — семнадцатилетнего мальчика:

Охает первый миномет. Сразу становится уютнее. Словно у нас объявились сильные спокойные друзья. И смолкают крики. И уже все четыре миномета бьют куда-то вверх из ложбинки.

В этом фрагменте пять предложений, объединённых общей темой. Но ни один из компонентов этой группы не транслирует аккумуляцию языковых единиц на пяти уровнях, следовательно, у этой группы нет ядра, на базе которого могла бы формироваться микроидея ССЦ и нет реализации смыслов уровня метафизического хронотопа. Подобные объединения предложений профессор Г.Я. Солганик называл «прозаической строфой» (текстовой единицей), характеризуя её как «сочетание нескольких взаимосвязанных тематически (по смыслу) и синтаксически предложений, служащих для более полного по сравнению с отдельным предложением развития мысли» [12, с. 78]. Перед нами не парцеллированная конструкция, так как каждое предложение этой группы обладает всеми признаками грамматизированного предложения.

«Идеальную» матрицу внешней формы сочетания простых предложений демонстрирует сложное синтаксическое целое из повести М.М. Пришвина «Кладовая солнца»:

И вот первый луч, скользнув по верхушкам ближайших, очень маленьких ёлочек, наконец-то заиграл на щеках у детей. Тогда верхний косач, приветствуя солнце, перестал подпрыгивать и чуфыкать. Он присел низко на мостике у вершины ёлки, вытянул свою длинную шею вдоль сука и завёл долгую, похожую на журчание ручейка песню. В ответ ему тут где-то вблизи сидящие на земле десятки таких же птиц, — тоже каждый петух, — вытянув шею, затянули ту же самую песню. И тогда как будто довольно уже большой ручей с бормотаньем побежал по невидимым камешкам.

В этом сложном синтаксическом целом план содержания и план выражения взаимообусловлены и неразрывны, что подтверждает поле языкового напряжения; все уровни хронотопа проявлены.

Парцеллированных конструкций нет, так как каждое предложение полное и соответствует модели простого предложения как отвлечённому образцу.

Парцелляты и примыкающие к ССЦ предложения

Но в повести Б.Ш. Окуджавы частотно представлены сложные синтаксические целые с парцелляцией. Например:

А НП — это не что-нибудь, а просто верхушка холма, и там на склоне лежат, едва высунув головы, наблюдатели, а комбат Бураков смотрит в стереотрубу. Я ползу по крутому склону и высовываюсь до пояса. И слышу, как запевают птицы. Птицы!

Это сложное синтаксическое целое построено по комбинированной инвариантной матрице внешней формы (вид «песочные часы»): многочленное сложносочинённое предложение — простое предложение — сложноподчинённое предложение минимальной структуры с придаточным изъяснительным. Третье предложение (выделенное) мы считаем парцеллированной структурой, не дифференцируя в этой статье понятия «парцелляция»/«присоединение» (по Л.В. Щербе, присоединение — это когда «второй элемент появляется в сознании лишь после первого или во время его высказывания» [13, с. 80]). Это предложение входит в структуру сложного синтаксического целого и потому, что этого требует инвариантная матрица (внешняя форма), и потому, что представляет ядерный герм поля языкового напряжения (внутренняя структура), и потому, что ядерный герм формирует микроидею ССЦ, т.е. проявляет смыслы метафизического хронотопа, утверждая неразрывность плана выражения и плана содержания. А последнее (односоставное назывное восклицательное) предложение, несмотря на то, что представляет последовательную парцелляцию (парцеллят выполняет эмоционально-выделительную функцию), является примыкающим к сложному синтаксическому целому: вносит смысловые оттенки в план содержания, но не учитывается в его структуре, подобно коде (итал. *coda* — букв. от лат. *cauda* — *хвост*) в музыкальном произведении. Повтор подлежащего предыдущей предикативной части с восклицанием привлекает внимание реципиента и позволяет ему понять то, что чувствует герой: «птицы» — это пули, но герой об этом пока не знает и испытывает лишь удивление.

Парцелляты в медиальной части ССЦ

Парцелляты в медиальной части сложного синтаксического целого чаще всего выполняют изобразительную функцию, «которая используется для выделения, «укрупнения» деталей, усиления изобра-

зительного контраста, создает эффект неожиданно наступившего действия, отражает этапную последовательность, смену действий» [14, с. 738]. Например:

Я ношу и ношу мины. Я уже не задумываюсь ни над чем. Каждое движение привычно до чёрта. Десять шагов назад. Холодного шестнадцатикилограммового поросенка в ладони. Десять шагов вперед. Можно даже с закрытыми глазами. Несколько раз туда и обратно (Б.Ш. Окуджава «Будь здоров, школяр!»).

Это сложное синтаксическое целое построено по инвариантной матрице сочетания простых предложений, из которых первые три — полные двусоставные. А все последующие «комментируют» третье предложение: каждое как пункт «инструкции», зафиксированной в третьем предложении. Четвёртое предложение — односоставное назывное (первый пункт). Пятое предложение — неполное (второй пункт). Шестое предложение — односоставное назывное, по структуре параллельно четвёртому (третий пункт). Седьмое предложение — односоставное безличное. Восьмое предложение — односоставное назывное. И все пять предложений неавтономны, их содержание реализуется только в замкнутой группе предложений ССЦ. Ядерный герм поля языкового напряжения находится в третьем предложении, оно, подобно обобщающему слову при однородных членах предложения, объединяет последующие пять предложений в единую смысловую группу внутри сложного синтаксического целого. Парцеллят *Холодного шестнадцатикилограммового поросенка в ладони* представлен околядерным гермом ПЯН, проявляющим психологический уровень хронотопа, что позволяет «считывать» смыслы, раскрывающие состояние героя, что подтверждает и лексема *поросёнка*, — так герой называет снаряд (такие гермы проявляют интенцию автора). Остальные парцеллаты этого ССЦ представляют периферийные гермы ПЯН, реализующие топографический уровень хронотопа и проявляющие целеустановку автора: описать сцену доставки мины к орудию.

В рассказе «Жилка» из сборника Захара Прилепина «Ботинки, полные горячей водкой» повторяющиеся парцеллаты находятся в медиальной части и концовке сложного синтаксического целого:

Я жестокий. Черствый и ледяной. Я умею соврать, сделать больно, не чувствовать раскаянья. Я получаю по заслугам, получаю по каменному лицу; но там, где должен быть камень, уже глина, и она ломается, осыпается, оставляет голый костяной остов. Черствый, и ледяной, и мертвый.

Повтор парцеллатов стал одним из факторов, определивших их как гермы ядерной зоны ПЯН, формирующие микроидею сложного синтаксического целого. Последний парцеллят не может не быть

включённым в структуру ССЦ, следовательно, оно построено по инвариантной комбинированной матрице (вид «ромб»: простое предложение — простое предложение (неполное) — простое предложение — сложное многочленное предложение с сочинительной и подчинительной связями — простое предложение (неполное). Таким образом парцеллаты, кроме выполнения той или иной роли в плане содержания, могут участвовать в определении инвариантной матрицы внешней формы ССЦ (план выражения).

Парцеллаты в ССЦ поэтического текста

В сложных синтаксических целых поэтического текста парцеллаты тоже выполняют весьма разнообразные функции. Например:

*Боюсь гостиниц. Ужасом объят
При мысли, что когда-нибудь мне снова
Втянуть в себя придется тонкий яд
Ковров линялых номера пустого.
Боюсь гостиниц. Это неспроста.
Здесь холодом от окон веет лютю.
Здесь лампа. Здесь гардины. Здесь тахта.
Иллюзия семейного уюта.
Боюсь гостиниц. Может, потому,
Что чувствую, что в номере когда-то
Остаться мне случится одному.
Навеки. В самом деле. Без возврата.*

В стихотворении Евгения Винокурова три строфы, каждая из которых начинается с рефрена (от стар.-фр. *refraindre* < *refrain* «повторять»), который служит сигналом зачина нового сложного синтаксического целого. В музыке рефрен — «главная тема, определённый музыкальный материал, неоднократно повторяющийся на протяжении произведения»; в поэзии — «повторяющаяся часть куплета песни, обычно её последняя строка». В этом стихотворении рефрен — первая фраза строфы. Отметим: не в каждом тексте есть сложное синтаксическое целое; и крайне редко можно расчленить текст на ССЦ. В данном тексте подряд следуют три ССЦ с одной темой — *Боюсь гостиниц*. Повторим: в анализируемом тексте рефрен — начало строфы и зачин ССЦ. В силу такого положения во всех трёх ССЦ этот герм представляет ядерную зону ПЯН, т.е. формирует микроидею каждого сложного синтаксического целого. В первой строфе, представляющей ССЦ, построенное по расширяющейся инвариантной матрице, ядерный герм совместно с околядерным (*Втянуть в себя придется тонкий яд*) формируют микроидею: от гостиниц исходит опасность. Вторая строфа — сложное синтаксическое целое, построенное по инвариантной матрице сочетания простых предложений,

и, кроме ядерного герма, содержит четыре околядерных (*Это неспроста. Здесь холодом от окон веет люто. Здесь гардины. Иллюзия семейного уюта*), представляющих психологический уровень хронотопа (интенцию автора) и вместе с ядерным формирующих микроидею этого ССЦ: лирическому герою плохо в этом «ненастоящем» пространстве. В третьей строфе, представляющей ССЦ, построенное по инвариантной комбинированной матрице (вид «ромб»), кроме указанного ядерного герма, есть ещё один ядерный герм — *что в номере когда-то Остаться мне случится одному*. Микроидея этого сложного синтаксического целого: страх и неизбежность одиночества разрушают внутреннюю целостность героя (в психологии это называется «аутофобия» — с древнегреческого языка это слово переводится как «боязнь самого себя»). И после этого герма следуют парцеллаты: *Навеки и В самом деле* — периферийные гермы, транслирующие смыслы топографического уровня хронотопа; *Без возврата* — околядерный герм, транслирующий смыслы психологического уровня хронотопа. Рефрен (*Боюсь гостиниц*), односоставное определённо-личное предложение, задаёт сквозную тему произведению, ряд парцеллатов в его конце, формируя инвариантную матрицу третьего сложного синтаксического целого, в макротексте определяют поворот в грядущей жизни лирического героя — «шаг навстречу себе». Анализ показывает, что в этом поэтическом тексте каждая конструкция (односоставные предложения разных видов, неполные предложения, парцеллаты) использована автором в соответствии с несовпадающими «векторами» ССЦ — темой, целеустановкой, интенцией, микроидеями. И далеко не всегда парцел-

лят «основывается на передаче мысли, оформленной пунктуационно и интонационно, и имеет результат — сжатие информации для чёткого выделения языковой структуры, на которую автор делает смысловое ударение, определяя её как центр мысли, который не является при этом синтаксически законченной конструкцией» [14, с. 71]. В границах сложного синтаксического целого, и/или примыкая к нему, парцеллаты влияют и на его план содержания, и на его план выражения, и на их взаимообусловленность и неразрывность.

Выводы, заключение

Явление парцелляции наряду с вопросами формирования инвариантных матриц внешней формы сложного синтаксического целого и его поля языкового напряжения, одновременно являясь и объектом грамматики языка и объектом грамматики речи, требует повышенного внимания исследователей в связи с решением широкого круга лингвистических задач. Согласимся с профессором Н.А. Герасименко, утверждающей, что грамматика «отражает типологическое устройство данного языка, возможности взаимодействия сознания человека с объективной действительностью и реализации мыслительных операций в речи» [5, с. 78]. Сложное синтаксическое целое, реализуя развёрнутое высказывание, демонстрирует функционирование парцеллированных конструкций в определённых речевых ситуациях, наделяя их специфическими характеристиками в целях оптимизации адекватности процессов продуцирования и восприятия, что свидетельствует об их коммуникативной маркированности.

Литература

1. Богоявленская Ю.В. Парцелляция в русском и французском языках: опыт сопоставительного когнитивно-семиотического исследования [Текст]: монография / Ю.В. Богоявленская. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. — 214 с.
2. Быкасов С.В. Парцелляция как средство членения высказывания [Текст] / С.В. Быкасов // Вестник Камчатского государственного технического университета. — 2009. — № 9. — С. 129–132.
3. Ванников Ю.В. Явление парцелляции в современном русском языке [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Ю.В. Ванников. — М.: Ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1965. — 529 с.
4. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис [Текст] / В.Г. Гак. — М.: Высшая школа, 1981. — 208 с.
5. Герасименко Н.А. Грамматика на службе развития речи и речевой культуры [Текст] / Н.А. Герасименко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2019. — № 2. — С. 28–34.
6. Ефремов А.Ф. Язык Н.Г. Чернышевского [Текст] / А.Ф. Ефремов // Ученые записки Саратов. гос. пед. ин-та. Кафедра рус. яз. 1951. — Вып. 14. — С. 74–81.
7. Иванчикова Е.А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции [Текст] / Е.А. Иванчикова // Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. — М.: Наука, 1968. — С. 277–299.
8. Пешковский А.М. Избранные труды [Текст] / А.М. Пешковский. — М.: Учпедгиз, 1959. — 252 с.
9. Прияткина А.Ф. Русский язык. Культура речи [Текст] / А.Ф. Прияткина. — Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2005. — 165 с.
10. Сербина Т.Г. Парцелляция как особое синтаксическое явление в языке современных газет [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Т.Г. Сербина. — Львов, 1988. — 188 с.
11. Сергиевская Л.А. Языковая модель: перспективы развития [Текст] / Л.А. Сергиевская // Болгарская русистика. — 2004. — № 2. — С. 3–6.
12. Солганик Г.Я. Стилистика текста [Текст]: учеб. пособие / Г.Я. Солганик. — М.: Флинта, Наука, 1997. — 256 с.
13. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке (1929) [Текст] / Л.В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1957. — 188 с.
14. Щербашина И.В. Парцеллирование простого распространенного предложения (на примере произведения С. Довлатова «Чемодан») [Текст] / И.В. Щербашина, Л.М. Пазова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — № 3. — 2013. — С. 69–76.

References

1. Bogojavlenskaja Ju.V. Partselljatsija v russkom i frantsuzskom jazykah: opyt sopostavitel'nogo kognitivno-semioticheskogo issledovanija [Tekst]: monografija / Ju.V. Bogojavlenskaja. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2021. 214 s.
2. Bykasov S.V. Partselljatsija kak sredstvo chlenenija vyskazyvanija // Vestnik Kamchatskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2009. № 9. S. 129–132.
3. Vannikov Ju.V. Javlenie Partselljatsii v sovremennom russkom jazyke: dis. ... kand. filol. nauk / Ju.V. Vannikov. M.: Un-t družby narodov im. Patrisa Lumumby, 1965. 529 s.
4. Gak V.G. Teoreticheskaja grammatika frantsuzskogo jazyka. Sintaksis. M.: Vysshaja shkola, 1981. 208 s.
5. Gerasimenko N.A. Grammatika na sluzhbe razvitija rechi i rechevoj kul'tury // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2019. № 2. S. 28–34.
6. Efremov A.F. Jazyk N.G. Chernyshevskogo // Uchenye zapiski Saratov. gos. ped. in-ta. Kafedra rus. jaz. 1951. Vyp. 14. S. 74–81.
7. Ivanchikova E.A. Partselljatsija, ee kommunikativno-ekspressivnye i sintaksicheskie funkicii [Tekst] / E.A. Ivanchikova // Russkij jazyk i sovetskoe obshhestvo. Morfologija i sintaksis sovremen-nogo russkogo literaturnogo jazyka. — M.: Nauka, 1968. S. 277–299.
8. Peshkovskij A.M. Izbrannye trudy. M.: Uchpedgiz, 1959. 252 s.
9. Prijatkina A.F. Russkij jazyk. Kul'tura rechi. Vladivostok: TIDOT DVGU, 2005. 165 s.
10. Serbina T.G. Partselljatsija kak osoboe sintaksicheskoe javlenie v jazyke sovremennyh gazet: dis. ... kand. filol. nauk. L'vov, 1988. 188 s.
11. Sergievskaja L.A. Jazykovaja model': perspektivy razvitija // Bolgarskaja rusistika. 2004. № 2. S. 3–6.
12. Solganik G.Ja. Stilistika teksta]: ucheb. posobie. M.: Flinta, Nauka, 1997. 256 s.
13. Shherba L.V. O chastjakh rechi v russkom jazyke (1929) // Izbrannye raboty po russkomu jazyku. M.: Uchpedgiz, 1957. 188 s.
14. Shherbashina I.V. Partsellirowanie prostogo rasprostranennogo predlozhenija (na primere proizvedenija S. Dovlatova «Chemodan») / I.V. Shherbashina, L.M. Pazova // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. № 3. 2013. S. 69–76.